

ПОРНОГРАФИЯ-2010: ФИЛОСОФИЯ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

С.Т. АГАРКОВ

Барахтаясь в мутных водах глобального экономического кризиса, общественное мнение проглядело эпохальное событие постсоветской эпохи – серьезное намерение Госдумы легализовать оборот порнографии. Для тех, кто думает, что избыток голого тела на телевидении, в рекламе, в кино и даже на театральной сцене является простым следствием недостаточно строгих законов, будет интересно узнать, что статья, карающая за распространение порнографических предметов и материалов, в российском законодательстве существовала всегда. Более того, эта статья неоднократно утяжелялась по мерам и составу, особенно после выделения так называемой «детской порнографии». Несколько раз законодательно сокращалось время демонстрации эротических передач на открытых телеканалах, вводились ограничительные «местные» правила реализации эротической печатной и аудиовидеопродукции. Несмотря на все эти строгости и десятки громких скандалов в прессе и на телевидении, связанных с произведениями Владимира Сорокина и Баяна Шириянова, журналами «Кул» и «Молоток», телепрограммами «За стеклом» и «Дом-2», видеофильмами Сергея Прянишникова и рекламными проектами «Евросети», атаки блюстителей нравственности закончились ничем, создавая иллюзию непотопляемости этого жанра.

Истинная причина отсутствия общественного согласия и неэффективного государственного администрирования в этой непростой сфере все постсоветские годы лежит в дефиците понимания феноменов эротики и порнографии и разногласие мнений различных социальных групп (молодежь, пенсионеры, чиновники, правоохранительные структуры, депутаты, деятели культуры, служители церкви, журналисты), невольно вовлеченных в эту дискуссию. В недавние советские времена эротика понималась как изображение красоты и совершенства обнаженного тела и любовных отношений в поэзии, живописи, театре, моде и других сферах общественной жизни. Порнография выступала в качестве циничного, вульгарно-натуралистического изображения половых органов и половых актов с целью вызвать нездоровое сексуальное возбуждение. Мир был не замутнен и чист, где-то наверху через чистилище цензуры в массы прорывались образцы возвышенной эротики, которые приучили общество к мысли, что иной эротики не бывает. Но уже в эпоху первого видеобума конца 70-х – начала 80-х годов альтернативная, т.е. откровенная и

дерзкая эротика Запада, внезапно ворвалась в нашу жизнь и была без колебаний отнесена к порнографии, а ее «распространители» отсидели положенные сроки. Импортная порнография того времени была хроникальной и напоминала сегодняшний фитнес, однако эффект знакомства с ней приводил к шоку. Многие, кстати, ограничились единичным опытом потребления порнопродукции и навсегда остались в ужасе от нее. Отечественная порнография того времени была мерзкой и отвратительной, порносъемки часто проводились санитарями психбольниц, благо, моделей не приходилось долго уговаривать. Никому в голову не приходило делать порнографию красивой — просто не было такой нужды.

В середине 80-х позднесоветское общество биполярной этики попало в жернова перестройки и гласности. В обход цензуры возникли кооперативы, открывшие видеосалоны с массивным выбросом различной западной эротики, издававшие на все лады «Кама Сутру» и «Дао Любви», организовавшие конкурсы красоты, выбросившие на рынок множество снадобий и устройств для повышения качества секса. В начале 90-х закон «О печати» новой России нашел подходящее русло для этого потока и ввел понятие эротического СМИ, которое в целом (читай — почти полностью) и систематически (читай — в каждом выпуске) «посвящено этой теме и эксплуатирует интерес к сексу». Новое понятие эротики оказалось производным от эротического СМИ, ей просто изменили курс с возвышения низменного на его эксплуатацию, и как эотику называли, так она и поплыла. Сразу зарегистрировались десятки эротических изданий, всем хотелось эксплуатировать интерес к сексу и обогащаться, если уж это официально разрешили. Этого удара порнография не пережила и стала стремительно сокращаться, подобно шагреневой коже. Действительно, легализованная эротика отняла у нелегальной порнографии все заработки благодаря тиражам и рекламе. Вспомним, что высшие рекорды тиражности после краха партийной прессы принадлежали газете «Спид-инфо» и превысили рубеж пяти миллионов экземпляров ежемесячно. Сужение сферы запретного, как основной вектор современной культуры в понимании академика Д. Лихачева, падение железного занавеса и смешение культур Запада и Востока окончательно растворили старую порнографию как символ запретного в новой эротической волне. Старое определение порнографии трещало по всем швам, в условиях острой состязательности с адвокатурой инертной прокурорской системе не удавалось доказать, что половой орган с бантиком натуралистичен, половой акт гомосексуалов в шутовских колпаках циничен и вся порнография может вызвать почему-то нездоровое возбуждение у здоровых людей. Ответить обвинению приходилось буквально за каж-

дое слово, и чем их было больше (для убедительности экспертного заключения), тем трудней становилась задача обвинения. В переходные 90-е годы в правоохранительных сферах еще работала методика идентификации порнографии по признакам отсутствия художественной и научной ценности в порнографических материалах, но изворотливые порнографы в суде утверждали, что пытались создать высокохудожественное произведение и только за отсутствие таланта судить творца преступно. Более того, согласно уголовному праву, изготовление и распространение порнографии относится к сфере умышленных преступлений. Но чтобы осудить за это человека надо доказать в суде, что обвиняемый четко знал, что создает именно порнографическое произведение или продукцию и сугубо с целью распространения.

А как порнографу заранее знать, что он создает порнографию, если принадлежность к ней никак не определена в законе? Если запастись заранее бумажкой, что распространяемые материалы не являются порнографическими, то в условиях запрета цензуры распространять безнаказанно можно буквально все.

Кстати, в соседней Украине определение понятия порнографии 20 ноября 2003 года по инициативе депутата Черновецкого было принято Верховной Радой: «Порнография — это вульгарно-натуралистическая, циничная, непристойная фиксация половых актов, самодовлеющая, специальная демонстрация гениталий, антиэтичных сцен полового акта, сексуальных отклонений, зарисовок с натуры, которые не соответствуют моральным критериям, оскорбляют честь и достоинство человека, побуждая негодные инстинкты». Надо сказать спасибо украинским депутатам, чей опыт показал абсолютную непродуктивность громоздких вербальных конструкций в дефиниции этого зла. Если даже найти и привести в суд конкретного человека — жертву порнобизнеса с оскорбленными честью и достоинством, то что делать, если адвокат порнографа приведет десять тех, кто не испытал подобных чувств? Даже если все десять признаются, что данная порнография их возбуждает, то как доказать, что она побуждает именно негодные инстинкты? Подобная оценочная конструкция (если убрать термин «половой акт» и иже с ним) скорее годится для определения бедности в материалах ООН.

Порнография в таком определении, подобно призраку, пугает только издали и исчезает при приближении к ней. В дополнение ко всему надо сказать, что самого определения порнографии в Уголовном Кодексе РСФСР и РФ никогда не было. Оно есть лишь в комментариях к УК, а комментарии — всего лишь частные мнения даже самых уважаемых людей и не могут использоваться в суде, тем более что контраргументов по любому из комментари-

ев тоже предостаточно. Во-первых, почему то, что можно делать в реальности, преступно изображать на картинке? Во-вторых, порнография не ставит задачи кого-либо развращать или портить иным способом. Она делается с целью заработать или, на худой конец, реализовать патологические пристрастия автора. На документальном сексуальном видео сегодня много не заработаешь, народ и так постоянно пичкают с экранов различными ужасами, маньяками, убийцами. Поэтому ликвидный товар должен шокировать зрителя похабностью, нарушением всех норм и правил. Здесь нужны дети, животные, трупы. Здесь секс уже не простой механический фитнес, это — насилие, ужас, страсть. Все это требует постановки, игры, т.е. абсолютно не натурально. Это типичный обман потребителя в форме торговли иллюзиями, причем сам потребитель это понимает и готов их потреблять в предложенном виде.

Более легкий путь создания ликвидной порнографии — количественный. По законам порножанра все персонажи начинают заниматься сексом, даже не утруждая себя знакомством, все входящие немедленно присоединяются к этому процессу, в результате все заканчивается оргией. Из какой жизни, спрашивается, взят этот «натурализм»? Ответ прост: из фантазийной, виртуальной реальности, где все легко и просто, но никак не «натуральной», т.е. объективной реальности.

Если рассуждать вульгарно-натуралистическими категориями, становится очевидным, что сжатый строгостями воспитания, комплексами неполноценности, отвергаемый престижными особами, униженный маленький человек компенсаторно мечтает о большом бесконечном сексе, а визуализацию этой идиотской мечты порноиндустрия ему нагло впаривает за его же деньги. С точки зрения криминологии это типичное мошенничество, преступление против кошелька, а не нравственности. Почему же тогда обманутый в «лучших чувствах» клиент не вопиет: «Держи вора?». Просто ему психологически необходимо быть обманутым, как ребенку, который десятый раз просит прочитать ему сказку про «Колобка», которого в реальности тоже нет, но есть эмоции страха, восторг безнаказанности персонажа и неизбежность его расплаты, т.е. обучающий опыт. Кроме того, законы нравственности нарушаются ежеминутно, реклама продает нам йогурты под видом лекарств, банки врут про проценты, дольщикам сулят воздушные замки, депутаты обещают навести в стране порядок, супруги изменяют друг другу. Психологи подсчитали, что среднестатистический человек за 10 минут врёт 3 — 4 раза, вводя собеседника в заблуждение. В истории человечества сложилось так, что наказанием за нравственные проступки является общественное пори-

чение, а не тюрьма. Если по-взрослому судить за нравственные прегрешения, то «сидеть» должны все, но в ханжеской среде отвечает за все исключительно обнаженная «кормовая» часть тела. Многие до сих пор искренне убеждены, что общество рухнет, стоит лишь легализовать порнографию. Опыт зарубежных стран, где ее не запрещают, а просто ограничивают, не убеждает. Чего, спрашивается, стоит общество, готовое рухнуть из-за подобной ерунды?

Следующий тезис о порнографии — она возбуждает, и с этим не поспоришь. Но ведь все хорошее не оставляет человека равнодушным. Хорошая еда возбуждает аппетит. Хороший автомобиль дарит наслаждение от поездки. Хорошая баня творит чудеса при простуде. Плохо, что возбуждение сексуальное? Тогда по логике надо запретить секс вообще. Красивая женщина возбуждает мужчину больше, чем картинка, но никто не требует запретить сексапильность, даже если она ненатуральна (макияж, пластическая хирургия), раскована и дьявольски соблазнительна. Парадоксальная логика: если бы народ был равнодушен к порнографии, то и бог с ней, но если народ на нее западает — это становится серьезной проблемой. Эта логика исходит из того, что народ глуп, его надо направлять на путь истинный не только в общественной, но и в личной жизни, защищать его нравственность от него самого.

Но даже самая изощренная порнография одного возбуждает, а другого нет. Невинные любовные романы из школьной программы вызывают в сознании подростка вихрь порнографических ассоциаций. Эротика, особенно талантливая, еще как возбуждает и волнует кровь утонченных натур даже в большей степени, чем порнография, но ее никто не требует запретить как вредное явление. Сексуальные отношения, пусть даже нестандартные, гораздо безобиднее сцен убийств, насилия, воровства, которые переполняют общедоступные государственные телеканалы, но их почему-то не запрещают к показу, хотя эффект последствий таких программ на подростковую психику доказан специальными исследованиями. К тому же, порнография быстро приедается большинству зрителей и утрачивает свое магическое сексуально-провоцирующее действие. Ее фанатами, коллекционерами, фетишистами становятся считанные проценты из числа когда-то увлекавшихся ею. Есть данные, что стойкая порнофилия замещает другие, более серьезные сексуальные отклонения и является формой отреагирования, т.е. адаптации личностей с аномальными сексуальными влечениями. Нередко просмотр такого видеофильма возвращает партнеров из мира нестандартных переживаний в мир реальных сексуальных отношений, заглушая аномальные импульсы. Безусловно вредной может оказаться порнография для

подростков с неустоявшимися сексуальными ориентациями без опыта романтических отношений, но ведь никто не призывает открыть им неограниченный доступ к порнопродукции. Более того, в силу их возрастной сексуальной ангажированности, их порнография — обычная глянцева эротика, которая вообще распространяется без существенных ограничений.

В сухом остатке мы получаем, что реакция обывателя из далекого советского прошлого, впервые столкнувшегося с порнопродукцией, возведена законом в стандарты реагирования на сексуальные сцены современного человека эпохи Интернета, видеоблогов и 3D-компьютерных игр с уже появившимся на рынке порноконтентом. Влияние порнографии было когда-то признано разрушительным для общества и человека, а сама порнография до сегодняшнего дня запрещена. Всех устраивает, что запрещенная порнография свободно распространяется и потребляется через порносайты, СМС-рассылки, почтовый спам и уличную торговлю. Так, может быть, наша Госдума наконец-то созрела для адекватных действий по наведению конституционного порядка в этой сфере?

Законопроект предлагает полностью исключить из оборота так называемую «детскую» порнографию, изображение сексуальных действий с трупами, животными и реального сексуального насилия, потому что эти действия в жизни запрещены законом. Остальное — ограничить на открытых каналах временем вещания и совершеннолетней аудиторией. Разрешить распространение печатной и аудиовидеопродукции в специализированных магазинах по разрешению местных органов власти. Создать систему государственной экспертизы продукции, хотя зачем она нужна, если и так ясно, что можно, а что нельзя показывать и продавать. Самым сложным местом нового законопроекта остается определение порнографии и эротики. Здесь возможны бесконечные споры, избежать которых можно, если вообще отказаться от дефиниции этих понятий. Достаточно, что вводится запрет на криминальные сюжеты и ограничения на остальные откровенные материалы. Эксперты, разумеется, нужны, но отбираться они должны не по партийным или религиозным критериям, а по профессиональным качествам, подобно экспертам-искусствоведам или нотариусам. Для этого они должны проходить специальное обучение, обладать личной печатью и именовым стандартным бланком заключений безо всяких важных организаций и учреждений и нести личную материальную ответственность за заведомо ложные заключения с лишением права на экспертную деятельность. Аттестация экспертов может осуществляться саморегулирующим экспертным сообществом, чтобы избежать возникновения кор-

рупционной составляющей и ненужной зависимости от чиновников.

При соблюдении этих условий есть надежда, что закон наконец-то заработает, причем функции идентификации продукции как допустимой или запрещенной к обороту возьмет на себя не госаппарат, выполняющий надзорные функции и аккумулирующий жалобы потребителей на нарушения данного закона, а общественная палата экспертного сообщества. Трудно представить лучшую площадку, где без адвокатов и прокуроров будут решаться самые сложные случаи и спорные проблемы наподобие аналогичной структуры по информационным спорам Союза журналистов. Остается верить, что у депутатов и правительства хватит мудрости и сил достойно завершить 15-летний марафон попыток законодательного регулирования оборота продукции сексуального характера.

Аннотация

Настоящая работа раскрывает основные проблемы законодательного регулирования оборота эротической и порнографической продукции. Анализируется новый законопроект, внесенный в Госдуму от партии «Единая Россия». Исходя из собственного двадцатилетнего опыта экспертной деятельности в области идентификации порнографической продукции и многолетнего сотрудничества с изданиями «СПИД-ИНФО», «ВЕНЕРА-ПРЕСС», «АИФ-ЛЮБОВЬ» автор поднимает методологические вопросы экспертизы порнографических и эротических материалов и предлагает ряд шагов по оптимизации этой деятельности. Работа представляет непосредственный интерес для работников СМИ, правоохранительных органов и деятелей культуры, занятых в экспертизе подобных материалов.

Ключевые слова:

Порнография, эротика, Госдума, определение, законопроект, регулирование, СМИ, Интернет, экспертиза.

Summary

The following article covers the main aspects of the law regulation of the circulation of erotic and pornographic production in Russian Federation.

The author analyses the new bill, that was suggested for a State Duma by a political party «Edinaya Rossiya». Considering his own twenty-year experience of being an expert in identification of the pornographic production and also considering a longstanding collaboration with such editions as «Speed-info», «Venera-Press», «AiF-Love», the author raises methodological issues of an expert examination of pornographic and erotic materials and suggests a few ways of optimizing this activity.

The current article might be interesting for the specialists, employed in the mass-media, the law enforcement authorities and also for the cultural workers, who are involved into an expertise of such materials.

Keywords:

Pornography, erotics, State Duma, definition, bill, regulation, media, Internet, expert examination.